

ДАЛЕКО ОТ ВОЙНЫ...

(вольнонаёмные работники Дальстроя в 1941—1945 г.)

Анатолий Иванович ШИРОКОВ,

кандидат исторических наук, ректор Северо-Восточного государственного университета, г. Магадан.

E-mail: shirokoff@rambler.ru, rector@svgu.ru

В статье рассматриваются проблемы количественного и качественного состава вольнонаёмных работников Дальстроя в 1941—1945 гг., особенности их бытового положения и трудового использования в годы войны с нацистской Германией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дальстрой, вольнонаёмные работники.

Far from war... (freehiring workers of Dalstroy in 1941—1945).

A.I. Shirokov, Northeastern State University (Magadan).

The article focuses on the problems of quantitative and qualitative structure of Dalstroy's freehiring workers in 1941—1945. The author aims to characterize the features of their exploitation and household condition during the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, Dalstroy, freehiring workers.

Вгоды войны Дальстрой, ставший крупнейшим центром золотодобычи в СССР, продолжал сохранять своё лидерство, расширяя ассортимент добываемых ценных видов минерального сырья. Резко возросшая необходимость в них потребовала чрезвычайных усилий от всех работников, живших и работавших по разные стороны колючей проволоки. Значительное сокращение объёмов снабжения с «материка» в этот период лишь усугубляло ситуацию. Поскольку условия труда и быта колымских заключённых довольно подробно представлены в литературе, в рамках настоящей статьи мы обратились к изучению положения вольнонаёмного населения Дальстроя в 1941—1945 гг.

Заметным явлением анализируемого периода стало возрастание численности вольнонаёмных трудовых ресурсов, обслуживавших многочисленные производственные предприятия Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР. Так, по данным единовременного учёта на 1 января 1942 г. она составляла 67 826 чел. (в том числе 13 727 иждивенцев), рабочих и служащих было 54 099 (49 246 мужчин, 4853 женщины) [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 4955. Л. 13]. Год спустя общая численность работников этой категории увеличилась до 92 376 чел. (в том числе 16 554 иждивенцев). Количество занятых на производстве возросло до 75 822 чел. (70 425 мужчин и 5397 женщин) [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 4962. Л. 3]. На 1 января 1944 г. вне лагерных зон жили 111 904 чел. (в том числе 21 890 иждивенцев и 190 инвалидов), из них

работало 89 823 чел. (83 209 мужчин и 6614 женщин) [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 4979. Л. 3 об.]. В начале 1945 г. на Колыме и Чукотке находилось 111 824 вольнонаёмных работников (в том числе 23 617 иждивенцев и 170 инвалидов), из них число работавших составило 88 033 чел. (80 391 мужчина и 7642 женщины) [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 5022. Л. 2 об.]. Приведённые данные свидетельствуют, что общий рост численности вольнонаёмного населения в 1942—1943 гг. достиг 39,4%.

Если учесть, что в 1941—1944 гг. в Дальстрой приехало лишь 160 договорников, то можно констатировать наличие источника значительного увеличения числа вольнонаёмных рабочих рук — за счёт освобождённых заключённых (в большинстве — мужчин), отбывших срок лишения свободы, и закрепление их на предприятиях ГУ СДС. В апреле 1942 г. НКВД и Прокуратура СССР разрешили выпустить из лагерей часть заключённых, но они должны были остаться в лагерях и колониях НКВД до конца войны и работать по вольному найму. В последовавшей затем директиве НКВД и Прокуратуры от 7 мая это правило было распространено и на осуждённых за КРД, ССД, ССС, СВЭ и т.п., а также на «членов семей изменников Родины» [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 43. Л. 101а].

Во исполнение указаний центрального руководства заключённые, освобождённые из лагерей Колымы и Чукотки, также оставались в Дальстрое на положении вольнонаёмных рабочих и служащих без права выезда до окончания войны. С 1942 г. предприятия Дальстроя начали использовать труд вольнонаёмных работников, которые являлись освобождёнными заключёнными. Приказом от 15 октября 1942 г. на вольнонаёмный состав было переведено 10 приисков, 4 электростанции, 2 автобазы, 3 дорожно-эксплуатационных участка и все предприятия управления «Дальстройуголь» [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 169. Л. 24]. В дальнейшем этот процесс довольно интенсивно развивался. Например, 27 декабря 1944 г. все предприятия Чай-Урьинского горнопромышленного управления были переведены на вольнонаёмный состав [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 183. Л. 160].

Начальник политуправления ГУ СДС И.К. Сидоров предписывал политорганам разъяснять бывшим лагерникам, что они закрепляются на работе в Дальстрое в соответствии с указом ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [ЦХСД МО. Коллекция документов]. Указанные мероприятия, а также высокая смертность лагерников в 1942—1943 гг. привели к тому, что уже в 1944 г. количество вольнонаёмного населения Дальстроя впервые в его истории превысило число заключённых в его лагерных подразделениях. На это время из общего списочного состава работников Дальстроя в 176,6 тыс. чел. за колючей проволокой находилось 82,3 тыс. [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 3. Л. 52].

Распределение вольнонаёмного населения на Колыме и Чукотке наглядно демонстрирует не только «очаговый» характер размещения производственной и социальной инфраструктуры на Северо-Востоке страны, но и концентрацию трудовых ресурсов в районах, где находились наиболее богатые месторождения полезных ископаемых. Естественно, что среди населённых пунктов по численности вольнонаёмного населения безусловным лидером был г. Магадан, за которым следовали посёлки, возникшие, как правило, в центрах развития горной промышленности в предвоенное десятилетие (Ягодное, Сусуман, Усть-Омчуг, Омсукчан, Певек и т.д.). Среди горных управлений в январе 1942 г. наибольшим по численности вольнонаёмных рабочих (7701 чел.) ока-

залось Северное, старый район золотодобычи. Однако через два года на первое место вышло Тенькинское горнопромышленное управление (10 868 чел.), на подведомственной территории которого месторождения отличались высоким содержанием золота.

Как и по всей стране, в Дальстрое многие выразили желание уйти на фронт. 18 мая 1942 г. был издан специальный приказ И. Ф. Никишова, начальника ГУ СДС, согласно которому всем начальникам предприятий и управлений вменялось в обязанность разъяснять работникам, что если у Дальстроя в них есть необходимость, то независимо от причины (желание поехать на фронт или по другим обстоятельствам) увольнение производиться не будет. Лиц, подавших заявление об отправке на фронт и «не нужных в Дальстрое», предписывалось увольнять по собственному желанию [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 86. Л. 203]. Уже 27 мая на всех работников ГУ СДС было распространено действие Указа ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. Лица, которые постоянно не работали, подлежали привлечению на работы Дальстроя в соответствии с Указом ПВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [ГАМО. ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 89. Л. 130]. Одновременно ужесточился режим пребывания в пограничной полосе ГУ СДС. На побережье Охотского моря были определены 49 производственных объектов и населённых пунктов (включая г. Магадан), входивших в 22-километровую полосу. На них распространялось действие «Положения о правилах въезда, проживания и охоты в пограничной полосе, плавания и рыбной ловле в пограничных водах Охотского моря в пределах территории Строительства Дальнего Севера». Оперпосты и наряды ВОХР получили право проверки документов и задержания лиц, не обладавших правом передвижения в этих районах [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 168. Л. 99—100].

В марте 1943 г. всему вольнонаёмному составу ГУ СДС вместо паспортов было приказано выдавать специальные удостоверения, их выдачу закончить к 1 мая 1943 г. [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 97. Л. 61]. Руководителям предприятий ГУ СДС также предписывалось и у освобождавшихся заключённых отбирать практически все личные документы (паспорт, военный билет и т.д.), вместо которых выдавать удостоверения [1, с. 96]. Таким образом, вольнонаёмные работники Дальстроя, как и лагерники, в годы войны оказались на «крепостном» положении. Естественно, что такие ограничения распространялись практически на всё население страны, но своеобразное «островное» положение ГУ СДС придавало этому обстоятельству дополнительную драматичную окраску.

Концентрация всех ресурсов для ведения боевых действий против Германии привела к резкому сокращению снабжения Дальстроя необходимыми материалами, оборудованием, продовольствием и др. Поэтому для всех категорий населения Колымы и Чукотки был введён режим жёсткой экономии продуктов питания, что вызвало снижение норм продовольствия. 22 августа 1941 г. была утверждена месячная норма снабжения вольнонаёмного состава в количестве 24,7 кг продуктов (14,4 кг муки, 3 кг крупы/риса, 0,6 кг макаронных изделий, 1 кг животных и 0,3 кг растительных жиров, 1 кг мяса, 1,5 кг сахара и т.д.) [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 163. Л. 56]. Рабочие горного производства и строители-дорожники получали несколько больше.

С сентября 1941 г. для вольнонаёмного состава Дальстроя был установлен особый порядок снабжения основными продуктами питания по так называемым «заборным документам», выдававшимся по месту работы [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 79. Л. 144—151]. Этот порядок распространялся на все

управления, предприятия и учреждения Дальстроя за исключением больниц, детских и санитарных учреждений, которые снабжались по другим нормам. Нормы отпуска хлеба и продовольственных товаров регулировало Главное управление Дальстроя по представлению гостреста «Колымснаб».

С 1 декабря 1942 г. по одной из самых высоких категорий снабжения I-A предусматривался следующий паёк: хлеб — 900 г в день, 3250 г крупы/риса, по 650 г животных и растительных жиров, мясо (свежее, солёное, мясопродукты) — 1300 г, овощи свежесолёные — 900 г, сахар — 1100 г и т.д. в месяц. Помимо продуктов в состав пайка входили 2 куска хозяйственного мыла, 5 коробок спичек, 200 г махорки или табака в месяц [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 91. Л. 240]. Сложности с продовольственным снабжением отмечались и позже. В мае 1944 г. из-за трудного положения с хлебом руководством было предписано ввести обязательную замену 100 г установленной нормы хлеба галетами. В районах деятельности Западного, Северного, Тенькинского и Юго-Западного управлений в связи с недостатком овощей устанавливалась увеличенная норма выдачи рыбы: вольнонаёмным работникам основного производства — 6—6,5 кг рыбы, остальным — 5 кг и менее [2, с. 132].

Нуждами обороны страны было продиктовано и то, что с 1 октября 1942 г. начисление вольнонаёмным работникам Дальстроя процентных надбавок за работу в районах Крайнего Севера было прекращено, а также отменены все прочие льготы (удлинённые отпуска, единовременные пособия, оплата стоимости проезда и провоза багажа при увольнении из Дальстроя, доплата разницы между полным окладом зарплаты и пособием соцстраха при временной нетрудоспособности). Военнослужащие ГУ СДС лишились единовременного вознаграждения за каждый год работы [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 89. Л. 15]. Снижение денежного довольствия вольнонаёмным работникам отражалось на их возможности приобретать необходимое в магазинах в условиях жестких норм и сопровождалось значительными задержками в выплате заработной платы. Такие факты были установлены Главным управлением Дальстроя 15 декабря 1942 г. на предприятиях СГПУ и Дальстройугля. При этом ещё 3 августа зам. начальника Политуправления Паркман предписал политработникам на местах «серьёзно заняться упорядочением заработной платы» [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Многочисленные документы свидетельствуют, что социальная инфраструктура Дальстроя не могла справиться с обеспечением возраставшего вольнонаёмного населения необходимым комплексом бытовых услуг. В мае 1942 г. был проверен прииск «Стахановец» Западного ГПУ, на котором работало 1200 вольнонаёмных, бывших заключённых. В результате выяснилось: «При наличии на прииске в достаточном количестве постельных принадлежностей рабочие спят на голых нарах, питание в столовой не организовано». В феврале 1943 г. можно фиксировать ту же картину. На прииске «Штурмовой» (Северное ГПУ): «...в общежитии постельное бельё грязное, меняется редко, некоторые рабочие в грязной одежде ложатся в постель...»; прииск им. Водопьянова: «...рабочие жалуются на плохую работу мастерских по ремонту обуви и одежды...»; прииск «Утиный» (Южное ГПУ): «...в общежитии холодно и грязно, нет тумбочек, радио... рабочие мартеновского цеха после работы не имеют возможности помыться... чтобы попасть к врачу, рабочие вынуждены отправляться за 5—6 километров... в результате несвоевременно оказываемой медпомощи рабочие вынуждены идти в больничный отпуск на продолжительное время...» [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Несмотря на такое положение, выполнение государственных планов добычи минерального сырья оставалось непреложным законом, хотя и сопровождалось значительным увеличением объёмов производственной деятельности вольнонаёмных работников. На период военного времени было разрешено вводить на предприятиях, в организациях и учреждениях сверхурочные работы до 3 часов в смену [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 78. Л. 26].

Общим правилом для всех работников отраслевых (прежде всего, горных) управлений ГУ СДС становилось увеличение продолжительности рабочего дня на период промывочного сезона (для вольнонаёмных работников он составлял 10 час.). После окончания промсезона продолжительность рабочего времени снижалась до обычной. В обращении начальника Политуправления ГУ СДС И.К. Сидорова к политработникам управлений (20 окт. 1942 г.) подчёркивалось, что «это желание необходимо всячески поддерживать, поощрять и развивать, но без оплаты сверхурочных часов» [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Дальстроевцев мобилизовывали на основное производство в качестве лоточников для добычи золота, где устанавливались жесткие суточные нормы выработки (в 1942 г. они составляли в среднем 18,47 г на 1 чел./день). Лоточников, в течение недели не выполнявших нормы, направляли на общие работы [3, с. 124]. Позже М.А. Гагкаев, почти всю войну проработавший начальником СГПУ, отмечал: «...мы проводили мобилизацию на добычу золота, так как в нашем распоряжении было всего 100 дней в году... шли в забой дети, женщины, служащие после основной работы» [ЦХСД МО. Коллекция документов].

В годы войны кроме мобилизации неработающего населения широко практиковалось командирование рабочих и служащих с предприятий и учреждений для выполнения планов добычи золота. При этом, как отмечалось в одном из приказов, «...всех людей, командированных с... других предприятий Дальстроя на прииски для работы на основном производстве, оставлять на срок до выполнения годового плана... в случае ухода или выезда с приисков без специального указания... привлекать к ответственности по Указу ПВС СССР от 26 июня 1940 г. за самовольный уход с предприятия» [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 88. Л. 30].

В 1942 г. для увеличения численности работников на основном производстве провели сокращение штатных сотрудников ВОХРа. Бывшие бойцы охраны, ставшие теперь горными рабочими, нередко проживали в одном общежитии с теми, кого недавно охраняли. Многочисленные издевательства над бывшими стрелками ВОХРа явились причиной специального приказа, запретившего проживание этих двух категорий работников в одних и тех же жилых помещениях и совместную работу на одних участках [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 180. Л. 9].

Специфический характер рабочей силы, состоявшей в основном из осуждённых в прошлом за уголовные преступления, и неустроенный быт способствовали появлению значительного количества нарушений трудовой дисциплины. Практически каждый такой случай должен был руководителем предприятия фиксироваться, а материалы о нем предоставляться прокурору. Тот, в свою очередь, направлял их в Военный трибунал, который рассматривал их «немедленно по получении во внеочередном порядке».

За вторую половину 1942 г. по предприятиям Северного ГПУ было зафиксировано 4587 нарушений трудовой дисциплины, по Юго-Западному — 2547, по Тенькинскому — 2156 и т.д. В целом за первое полугодие по Дальстрою было совершено 6763 нарушений, а за второе — 13 351. Следовательно, возрастание количества нарушений трудовой дисциплины во втором полугодии можно объяснить тем, что в это время значительно увеличилось число рабочих из

бывших заключённых. Наибольшее количество таких нарушений за год зафиксировано в ЮЗГПУ — 84,8% к среднесписочному составу, в СГПУ — 59,8%, ТГПУ — 55,2% и т.д. При этом, как констатировалось в документе, «...имеются факты, когда руководители предприятий перестраховываются и иногда отдают под суд без достаточной проверки и оснований». Например, только по ТГПУ в течение 1942 г. было оправдано судом 84 чел., по СГПУ — 55 чел., по ЮЗГПУ — 46 чел. и т.д. [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Со временем ситуация не менялась. В 1944 г. руководители горных предприятий обязывались не выпускать из забоев вольнонаёмных рабочих до конца рабочего дня, а на опоздавших «немедленно» передавать дела в Военный трибунал и Военную прокуратуру [ГАМО. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 115. Л. 147—147 об.]. В первом полугодии 1944 г., по данным Военного трибунала войск НКВД при Дальстрое, за нарушение Указа ПВС от 26 дек. 1941 г. было осуждено 3654 чел. Из этого числа ранее судимых за разные преступления оказалось 3574 чел., или 97,8%. За нарушение норм Указа ПВС от 26 июня 1940 г. в этот же период осуждению подверглись 7416 чел., из них ранее судимых — 97,2% (7197 чел.). В третьем квартале 1944 г. по Указу от 26 дек. 1941 г. осуждено 1336 чел., из них ранее судимых — 1127 чел. [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Осуждение по приведённым мотивам сопровождалось снижением продовольственного довольствия. Например, И.Ф. Никишов 23 января 1943 г. предписал снизить хлебные нормы для рабочих Дальстроя, совершивших прогул и осуждённых по Указу от 26 июля 1940 г., с момента вынесения решения суда и до отбытия наказания на 200 г на предприятиях, где была установлена норма хлеба в 800 г и на 100 г на всех остальных [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 180. Л. 5].

Стремление любой ценой выполнить план добычи в условиях сокращения снабжения материалами и оборудованием приводило к высокому производственному травматизму, прежде всего на горных работах. Так, за 9 месяцев 1943 г. только в СГПУ произошло 63 производственных травмы с потерей 5478 трудовых дней. Количество смертельных травм за это время достигло 19, из них 9 — на прииске им. Горького. За 5 месяцев того же года 8 смертельных случаев произошло на руднике им. Лазо ЮЗГПУ [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 180. Л. 101]. В 1941—1944 гг. общая смертность (из расчёта на 1 тыс. чел.) вольнонаёмных дальстроевцев увеличилась с 6,1 до 17,9% на тыс. чел., а в 1945 г. выросла на 13,3% [3, с. 125].

К концу 1945 г. из общего количества специалистов Дальстроя (около 9 тыс. чел.) только 8% работало на Колыме и Чукотке менее 4 лет, 42% — по 4—5 лет и 50% — по 6—8 лет и более. Руководство Дальстроя было осведомлено о настроении вольнонаёмных работников. Так, в одном из документов военного времени говорилось: «...длительная работа в Дальстрое отрицательно влияет на состояние здоровья: авитаминоз, сердечные заболевания и т.д. Многие товарищи нуждаются в отпуске, отдыхе, лечении. Значительная часть работников нуждается в переводе в другие, более благоприятные климатические условия... Работники из бывших заключённых также стремятся уехать с Колымы, найти свои семьи и работать в других организациях... Эти настроения и тенденции — уволиться и уехать во что бы то ни стало — во много раз возрастут после окончания войны и отмены закона о закреплении» [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Административное удержание работников в колымских районах привело к весьма показательному явлению. Речь идёт о побегах вольнонаёмных дальстроевцев, стремившихся любыми путями покинуть территорию ГУ СДС.

Именно этими обстоятельствами был продиктован приказ И. Ф. Никишова от 3 апр. 1944 г., констатировавший, что «дезертиры производства» проезжают по новой трассе Адыгалах—Хандыга и «...безнаказанно устраиваются на работу в Якутской АССР, а также выезжают в другие области Советского Союза» [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 183. Л. 35].

Вольнонаёмные работники ГУСДС использовали разные способы для оставления Дальстроя, в частности, фиктивные телеграммы о бедственном материальном положении близких родственников или тяжёлом болезненном их состоянии. К осени 1944 г. таких заявлений стало настолько много, что И. Ф. Никишов сформировал специальную комиссию под руководством своего заместителя Н. А. Никешичева для их рассмотрения. При этом заявления квалифицированных специалистов начальник Дальстроя рассматривал лично [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 116. Л. 155—156].

Говоря об истории Дальстроя в годы войны, нельзя обойти вниманием тот факт, что неподконвойные работники ГУ СДС стали, по сути, вольными невольниками Колымы. Однако, как и всё население страны в целом, в большинстве своём они внесли существенный вклад в Победу над врагом. На партконференции Дальстроя 1 января 1946 г. отмечалось: «...с минимальным количеством людей, с минимальными затратами материалов, горючего, денежных средств, при наличии значительных трудностей план 1942, 1943, 1944, 1945 гг. перевыполнен» [ЦХСД МО. Коллекция документов]. Речь шла о сотнях и тысячах тонн ценного минерального сырья — золота, олова и др. Помимо этого рабочие и служащие собирали денежные средства, тёплые вещи. За годы войны в фонд обороны, на строительство самолётов, танков, орудий и на подарки бойцам Советской Армии ими было собрано 195 млн. 307 тыс. руб., на оказание помощи освобождённым городам и районам — 8 млн. 88 тыс. руб. [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 167. Л. 42].

Общая сумма поступлений по государственным военным займам составила 271 157 180 руб., в том числе: по военному займу 1942 г. — 56 084 100 руб., по 2-му займу 1943 г. — 65 634 000 руб., по 3-му — 68 377 000 руб., по 4-му — 81 062 000 руб. Впервые собравший эти сведения А. В. Эйчис сообщал, что больше всего поступлений было от рабочих и служащих промышленности, прежде всего горной. Это обуславливалось несколькими причинами: высокой зарплатой работавших, большой их численностью, наличием на объектах горной промышленности значительного контингента заключённых, заработанные средства которых перечислялись в счёт погашения подписки на заём. Погашение подписки на заём среди колхозников, как правило, отставало. Причина этого для всех займов одна — несвоевременная выплата зарплаты за сезонные работы сельхозорганизациям (например, рыбпромхозам). Реализация подписки за госзаимы проходила в основном принудительно, что было обусловлено особенностями военного времени [4, с. 212].

Работники ГУ СДС собрали и отправили вещи для населения, освобождённого от оккупации, и подшефному госпиталю на сумму 77 542 руб., а для солдат и офицеров Советской Армии отправили вещей на сумму 231 814 руб. В это число вошло более 300 тыс. тёплых вещей, 17 вагонов подарков бойцам Западного фронта. Около 3 тыс. т рыбы было послано в Москву, Ленинград, Хабаровск. Подшефный Дальстрою Донбасс получил более чем на 300 тыс. руб. «культимущества» [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Средства работников Дальстроя шли на постройку самолётов «Комсомолец Дальстроя», «Колхозник Колымы», «Связист-дальстровец», эскадрильи

«Боец-дальстроевец», эскадрильи санитарных самолётов, звена бомбардировщиков «Дальстроевец», танков имени Дальневосточного комсомола, танковых колонн «Феликс Дзержинский», «Автотранспортник Колымы», «Горняк», «Юный пионер» [5, с. 26]. 16 февр. 1943 г. в газете «Советская Колыма» была опубликована телеграмма Верховного главнокомандующего И. В. Сталина: «Начальнику Дальстроя т. Никишову, начальнику Политуправления т. Сидорову... Прошу передать рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам и служащим, собравшим, кроме первых 4 млн. 800 тыс. руб. на строительство бомбардировщиков «Дальстроевец», дополнительно 16 млн. руб. на строительство танковой колонны им. Феликса Дзержинского — мой братский привет и благодарность Красной Армии» [ЦХСД МО. Коллекция документов]. 529 работников ГУ СДС одновременно внесли от 10 до 50 тыс. руб. своих сбережений на приобретение танков, самолётов и орудий. Все дальстроевцы получили благодарственные телеграммы от И. В. Сталина [ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 167. Л. 42].

Многие дальстроевцы на боевой технике, купленной за свой счёт, воевали на фронте. Например, супруги И. Ф. и А. Л. Бойко, работавшие водителями, купили танк. После окончания Челябинского танко-технического училища с мая 1944 г. принимали участие в боевых действиях. По примеру супругов Бойко к Сталину с такой же просьбой, в частности, обратились работники Магаданского авторемонтного завода А. М. Ефанов, И. Е. Конюхов, А. П. Тимченко, М. К. Щеглов, В. А. Яковлев, сотрудники Колымпроекта А. П. Ходоско, Н. Т. Цибин, директор завода № 2 А. И. Попков-Бодренков, врач И. С. Чубриков, пилот авиаотряда Дальстроя В. П. Самойленко, слесарь автобусного парка Н. А. Петров и др. [6, с. 163—164].

За значительный вклад в оборону страны Дальстрой Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февр. 1945 г. был награждён орденом Трудового Красного Знамени. В этом была заслуга и вольнонаёмного населения ГУ СДС, оказавшегося между жесткими требованиями тоталитарного режима, многократно усиленными военными условиями, и стремлением выполнить государственный план для помощи фронту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бацаев И. Д., Козлов А. Г. Дальстрой и Севвостлаг НКВД СССР в цифрах и документах: в 2 ч. Магадан, 2002. Ч. 2. 428 с.
2. Зеляк В. Г. Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30—50-х гг. XX в. Магадан, 2004. 284 с.
3. Бацаев И. Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х — середина 60-х гг. XX в.). Магадан, 2007. 255 с.
4. Эйчис А. В. Государственные военные займы на Колыме 1942—1945 г. // IV Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня выхода в свет российской науч. академической монографии С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Магадан, 2006.
5. Куртаева Э. К. Колыма и Чукотка в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Краевед. зап. Магадан, 1982. Вып. 12.
6. Козлов А. Г. Магадан: возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя (1929—1945). Магадан, 2007. 306 с.